

И.И. Лейман (Сыктывкар)

ТАКАЯ МНОГОГРАННАЯ ЯРМАРКА...*

В XIX в. значение ярмарок для населения Европейского Севера России было очень велико и выходило далеко за рамки одной только экономической сферы. Благодаря ярмаркам в регионе и во всей стране не только складывался единый внутренний рынок, но и формировалось единое информационно-культурное пространство. Особую важность этот процесс приобретал в условиях Европейского Севера России, где в силу огромных размеров территории и неразвитости сети путей сообщения многие населенные пункты были оторваны не только от губернских, но и от уездных центров. И только несколько раз в год, на ярмарках, люди имели возможность встретиться с жителями других сел и городов, уездов и губерний, узнать последние новости, ознакомиться с новинками моды и достижениями ремесла. Ярмарки являлись единственным универсальным средством удовлетворения и материальных, и духовных потребностей населения.

Материальные потребности удовлетворялись благодаря покупкам всех необходимых продуктов и предметов обихода. Стационарная торговля вплоть до конца XIX в. была развита слабо; ассортимент предоставляемых ею товаров был достаточно узок. Товары на ярмарках, в свою очередь, были разнообразны, более высокого качества и более дешевые. Приезжие ярмарочные торговцы создавали настолько сильную конкуренцию местным купцам, что те неоднократно осуществляли попытки закрытия ярмарок. Так произошло с Январской ярмаркой в Вологде, которая по прошению вологодских купцов была упразднена в 1800 г.; вновь ярмарка была открыта в 1806 г. по желанию «как здешняго, так и соседственных городов граждан и обывателей» [1]. Аналогичная ситуация произошла с Георгиевской ярмаркой в Усть-Сысольске: в 1847 г. по просьбе местного купечества ярмарка была закрыта, однако уже в 1849 г. по просьбе мещан города Усть-Сысольска она была учреждена вновь [2].

* Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

Ярмарки предоставляли возможность решить и другую важную для населения задачу, связанную с созданием семьи. Это был удобный случай показать себя и выбрать себе пару, так как на торги собиралось большое количество людей из различных населенных пунктов края. В условиях Европейского Севера России, с его небольшими поселениями, разбросанными на обширной территории и мало общавшихся друг с другом, это имело особую значимость. Например, Сретенская ярмарка в городе Шенкурске Архангельской губернии и Петровская ярмарка в городе Кадникове Вологодской губернии на протяжении XIX в. не могли похвастаться большими торговыми оборотами, однако собирали достаточное число народа, чтобы все желающие могли найти своего суженого или суженую. На Петровской ярмарке в Кадникове молодые мужчины и женщины старались принарядиться как можно лучше. Женщины надевали на себя лучшие наряды: золотошитые сборники на голове, штофные сарафаны малинового цвета, большие жемчужные серьги в ушах (все эти наряды передавались от бабушки к внучке и бережно хранились в семье). Мужчины приходили на ярмарку в красных рубашках и поддевках [3]. На Сретенской ярмарке происходило «многолюдное гулянье», в ходе которого «женихи высматривают себе невест, а эти показывают им себя и свои наряды» [4].

На сельских ярмарках Европейского Севера России картина была схожей: «народу собирается много, ... молодцы и девушки, особенно последние, одетые хорошо и красивые, гуляют по улице и показывают себя и свои наряды» [5]. На Сольвычегодской Прокопьевской ярмарке даже существовала особая традиция. Из окрестных и дальних деревень приезжали на ярмарку девушки, называвшиеся в народе приплавухами (так как добирались до Сольвычегодска на лодках), выходить замуж. Они вместе с родственниками вытаскивали лодки на берег и садились ждать женихов. Женихи, среди которых преимущественно были бедные поселяне, приходили, рассматривали невест и расспрашивали родственников о талантах девушки и о ее приданом (приданое обычно находилось тут же в «коробьях»). Если невеста и приданое приходились по душе, то сразу же шли в церковь венчаться [6].

Кроме того, ярмарки способствовали и духовному единению населения. Подавляющее большинство ярмарок было приурочено ко дню местночтимых святых или к общехристианским праздникам (об этом, прежде всего, свидетельствуют названия ярмарок), так как в эти дни в населенный пункт, где находилась церковь, стекалось большое количество людей из окрестных поселений. В честь праздника обычно совершался крестный ход. Например, открытие в 1804 г. Сретенской ярмарки в г. Шенкурске Архангельской губернии в день Сретенья Господня происходило следующим образом. После божественной литургии из Шенкурского Благовещенского собора духовенство и горожане направились с крестным ходом к месту

ярмарки на торговую площадь. На площади был проведен молебен с «во-доосвящением» и провозглашением «многолетия Государю императору и всему Августейшему дому», после чего «новооткрытый» гостиный двор был окроплен святой водой. Таким же образом Сретенская ярмарка начиналась и в последующие годы на протяжении XIX в. [7].

Момент открытия тотемской ярмарки запечатлел проезжавший через город И.С. Зырянин: «Когда мы шли по рынку, раздался величественный говор колоколов в соборе и вслед за тем показались священные хоругви и образа...» [8]. С.В. Максимов о Никольской ярмарке 1856 г. в городе Пинеге Архангельской губернии писал: «Ничем особенным не сказался первый день ярмарки. В единственной городской церкви, каменном соборе, освящали воду, звонили в колокола — да и только!» [9]. В принципе, крестный ход, освещение воды в церкви и колокольный звон были типичными элементами любого начала ярмарки. Тот факт, что участвовать в крестных ходах и общественных молебнах мог любой человек независимо от социального статуса и положения в обществе, как нельзя лучше способствовал приобщению населения к высшим духовным ценностям и осознанию им своего духовного единства.

Ярмарки способствовали расширению кругозора населения и, хотя бы отчасти, приобщению к прекрасному. Это происходило как через общение участников ярмарки друг с другом, так и благодаря созерцанию различных предметов искусства и мастерства, новинок моды. Например, на Январскую ярмарку в Вологду приезжали «покупатели и купцы, чтобы запастись товаром на целый год и удивлять потом своих сограждан и односельчан «свежими» и «модными» продуктами» [10].

На ярмарках Европейского Севера России можно было увидеть произведения мастеров из самых различных городов и сел, уездов, губерний. Как отмечали современники, на ярмарке «как бы ни разнородны и ни прихотливы были бы требования, остается только иметь деньги, а удовлетворение готово» [11]. Например, на Январской вологодской ярмарке продавалась чеканная работа из серебряной проволоки крестьян Сольвычегодского уезда, «черневая на серебре» работа и всевозможные шкатулки из Великого Устюга [12]. Устюжская черневая на серебре работа, называемая сегодня великоустюжской чернью, прославляла город с давних времен. В середине XVIII в. в Устюге даже существовала принадлежавшая купцу Попову целая фабрика по отделке серебряных изделий [13]. Другим предметом гордости Устюга, выставляемом не только на местных, но и на Нижегородской Макарьевской и Ирбитской ярмарках, были так называемые устюжские коробки. Они представляли собой шкатулки из выбеленного железа, украшенные вручную вырезанными металлическими фигурками. На крупных российских ярмарках устюжские коробки скупались «преимущественно для Азии грузинскими, персидскими и армянскими купцами» [14].

Немаловажной была роль ярмарок в снятии физического напряжения и психологического стресса, накапливавшихся в течение года, полного тяжелого и часто неблагоприятного труда. Здесь нужно особо отметить, что для населения дореволюционной России и, в частности, для крестьян, праздник был не менее богоугодным делом, чем работа. Важным аспектом праздников был способ выйти за пределы ежедневных забот и рутины, подняться над повседневностью со всеми ее невзгодами, трудностями, лишениями, обязанностями, социальным неравенством и несправедливостью, зависимостью от властей, и окунуться в мир радости, беззаботного веселья и свободы [15]. Вследствие того, что проведение ярмарок часто совпадало с местными религиозными праздниками, и сама ярмарка со временем стала ассоциироваться в сознании населения как праздничное действо.

Снять накопившийся стресс и физическое напряжение на ярмарках можно было двумя способами. Во-первых, через участие в различных играх и театральных действиях. Вместе с купцами на ярмарки приезжали самые разные «увеселители», которые строили дощатые балаганы и смешили публику знаменитым российским «петрушкой» [16]. О характере типичных для ярмарок балаганных представлений можно судить на основании текста афиши с ярмарки 1890 г. в Архангельске [17]. Организатором представления выступал «солдатский сын» Дмитрий Богданов, который, по собственным словам, предварительно пять лет учился у африканского акробата Залуэ-Кособи. Дмитрий Богданов «по примеру прочих» устраивал временный балаган на базарной площади; его представление, сопровождавшееся музыкой, включало следующие номера: «...большое акробатическое и гимнастическое увеселительное представление; антиспиритические магические фокусы; гимнастические упражнения на разных воздушных висячих предметах; разные комико-юмористические-фантастические пантомимы; выходы клоунов, шутов; разные римские игры; комические рассказы и куплеты из русско-еврейских, малороссийских и армянских бытов; балансирование, жонглирование разных предметов; геркулесские арабские львиные прыжки и воздушные сальтомортالي» [18]. Необходимо отметить, что ярмарочные представления особенно ценились неизбалованной северной публикой: в XIX в. даже в губернских городах не существовало особых развлечений (театров, концертов), и «единственным представителем искусств» нередко был «балаган с петрушкой» [19].

Традиционным зрелищем на Никольской и Алексеевской ярмарках в городе Пинеге была выставка лошадей и испытание их возкой тяжести — своего рода турнир, на котором выяснялось, чья лошадь более вынослива. Победителям этих состязаний вручались призы и премии [20]. Особенно популярно среди населения было «испытание возкою тяжестью»: «...как только тронется лошадь и пойдет, конечно, нервически скоро, вслед за нею

летит почтенная публика сломя голову по глубокому снегу. И это повторяется за каждой лошадью. Тут услышите довольно горячие прения, так как крестьяне принимают горячо к сердцу подобные состязания» [21].

Основным развлечением на сельских ярмарках для молодежи были хороводы, игры и песни. Изначально все эти действия имели сакральный смысл, были «типичны и национальны». Однако уже во второй трети XIX в., особенно после реформ 1860-х гг., сакральный смысл был утрачен, и вместо «старинной хороводной песни» можно было услышать «речетатив из «Конька-горбунка»: братья сеяли пшеницу, да возили во столицу» [22].

Но в целом, по замечаниям этнографов, увеселительные представления не были типичны для ярмарок Европейского Севера России и практиковались, в основном, в крупных городах; как отмечал С.В. Максимов, «...здесь к этому не привычны» [23]. Характеризуя Никольскую ярмарку 1860-х гг. в г. Пинеге Архангельской губернии, П.П. Чубинский писал, что «...на время ярмарки нет никаких увеселений» [24]. А городские балы и «благородные собрания и у частных лиц» во время вологодской Январской ярмарки, по замечанию современников, не были типичны для вологжан и прививались в городе «как невольное и необходимое подражание тому, что заведено в других местах» [25].

Вторым способом снятия напряжения и стресса во время было приобретение к спиртному. При этом алкоголь не олицетворял собой пагубную страсть. Он, по мнению исследователей, выполнял в народной среде социальную функцию – укреплял солидарность, снимал и ослаблял межличностные противоречия; поэтому среди взрослых мужчин практически не было непьющих. Согласно статистическим данным, в пореформенное время 58% взрослых крестьян «пили при всяком удобном случае», а 11% – «всегда, когда были деньги» [26].

В будние дни потребление алкоголя было сильно ограничено строгим надзором полиции и органов местного самоуправления за нравственностью населения и существовавшими условиями розничной продажи алкогольных напитков. В обязанности уездных полицейских управлений входило тщательное наблюдение за тем, чтобы на подведомственной территории не происходило «пьянства и всякого разврата нравов» [27]. Волостное правление следило, чтобы «содержатели питейных заведений не вовлекали крестьян в невоздержанность... учреждением выставок в неуказанных местах и в недозволенные дни, допущением питейной продажи в постоянных дворах, или в частных домах, ...производством сей продажи в запрещенное время, отпуском напитков в долг или под заклад, заведением увеселений и т.п.» [28]. Сельский старшина должен был предостерегать крестьян от «лености, пьянства и других пороков, внушениями и увещаниями», а сельский староста старался «благоразумными внушениями... отвратить государственных

крестьян от праздности и неумеренного потребления крепких напитков, и поселять между ними склонность к трудолюбию и воздержанию» [29].

Согласно законам о торговле крепкими напитками, запрещалось продавать «распивочно» (то есть в розлив) вино и другие алкогольные напитки «малолетним и видимо пьяным» и допускать, чтобы покупатели напивались «до беспамятства». Если кто-то все-таки сильно напивался, вся ответственность за его действия и жизнь «до вытрезвления» ложилась «на обязанности виноторговца». Продажа алкоголя запрещалась во время совершения крестных ходов и литургии, волостных и сельских сходов, разбирательств дел в волостных судах [30]. За тем, чтобы «во время божественной службы, не были открыты кабаки, шинки и подобныя заведения для продажи крепких напитков, и чтоб вообще в сие время около церквей не происходило неуместных увеселений, песен, пляски, шуму и других неприличий», следило полицейское ведомство.

В связи с этим становится понятно, что на ярмарках, которые обладали исключительным правом «устройства временных выставок» с алкогольными напитками, население широко использовало возможность потребления спиртных напитков [31]. «Питейные» балаганы и выставки «соблазнительно» занимали на ярмарке «все входы и выходы и лучшие места» и собирали вокруг себя большое количество народа. Типичная картина ярмарочных будней непременно имела «алкогольную составляющую»: «балаганы уже торгуют, карусели вертятся, городовые подбирают пьяных»; «народ... при барыше и накладе напивается донельзя, без церемоний толкается, шатается, валяется по всему базару и «любезными» русскому люду словами «угощает» встречных и поперечных»; «где ярмарка и выставки с водкой, народ не долго бодрится и церемонится, еще до обеда иной налижется донельзя»; «старшие перепиваются и заводят ссоры, чешут друг другу морды, без чего праздник не обходится, и угощают посетителей праздника» [32].

Торговля алкоголем на ярмарке была очень выгодна. К тому же продажа ряда алкогольных напитков – пива, портера и медовухи – не требовала уплаты «особого сбора» [33]. На Евдокиевской ярмарке 1863 г. в с. Благовещенском Шенкурского уезда Архангельской губернии, где в ходе ярмарки было открыто две харчевни и шесть «выставок» с водкой, «торговля оной (водкой. – *И.Л.*) шла успешно» [34].

За функционированием временных выставок с алкогольными напитками на ярмарках следила полиция и органы местного самоуправления. Служители полиции во время массовых скоплений народа, особенно во время «торгов, базаров и винных выставок» должны были пресекать все возникающие «ссоры, драки и другое буйство» [35]. Сельский староста следил, чтобы временные питейные выставки «не были открываемы преждевременно и продолжаемы далее установленного для них срока, и чтобы с на-

ступлением онаго, питья непременно были вывезены из селения» [36]. По закону продажа алкоголя разрешалась с семи часов утра и до одиннадцати часов вечера в городах и до десяти вечера в селах [37]. После этого времени на ярмарках «выставки с разными питиями» убирались, и «все пьяное» успокаивалось [38].

Велика была роль северных ярмарок как информационных центров и каналов формирования общественного мнения. Ярмарки собрали большое число участников различных социальных положений, приезжавших из окрестных и отдаленных поселений, различных уездов и губерний. Каждый из них являлся носителем определенной информации, которой делился с окружающими в ходе ярмарки (особенно разнообразными сведениями обладали торговцы, круглый год переезжавшие с одной ярмарки на другую). Так, Январская ярмарка в Вологде служила «сосредоточением общественной жизни» не только Вологды, но и всей губернии и даже всего северного края [39]. На ярмарке в Тотьме был «такой шум, что чуть не заглушает звон колоколов: болтуны торговли перебивают одна у другой покупателей квасу и булок» [40]. Ярмарки до неузнаваемости преображали города и селения Европейского Севера России. «В сентябре месяце [1856 г.] я вернулся обратно в Архангельск и не узнал его», — писал С.В. Максимов, когда впервые увидел этот город в дни Маргаритинской ярмарки, — «шум и деятельность имели характер огромного людного базара. Народности спутались, расшумелись, занятые сосредоточенно собственными интересами» [41]. Сравнимая г. Пинегу Архангельской губернии в дни ярмарки и в будни, С.В. Максимов отмечал, что в обычные дни город выглядит «тоскливо, безлюдно, как и всякий другой архангельский городок, бедный средствами и скудный жителями». Когда же приходит время Никольской ярмарки, город «шумит, как вообще шумит русский человек, когда он очутится на полном просторе, на широкой, собственной нестесненной воле...» [42].

Ярмарка привлекала население универсальным набором культурных ценностей в сочетании с торгово-экономической составляющей и обладала удивительными свойствами, соединяющими и сглаживающими различия и противоположности людей и обычаев. Она примиряла все разногласия быстрее и производительнее любого другого случая встречи, так как нужно во что бы то ни стало продать и купить. Кроме того, театральные действия, зрелища, увеселения, товары были рассчитаны на всех, без разбора. Иными словами, всем и каждому предлагался один и тот же состав ценностно-окрашенных и облеченных авторитетом всеобщности «сигналов», что с неизбежностью производило эффект интеграции и унификации сознания. Различия между сословиями и народностями на ярмарке исчезали, все превращалось в «честной люд», что позволяет рассматривать ярмарки в качестве прообраза системы массовой коммуникации [43].

Таким образом, ярмарки Европейского Севера России, с одной стороны, представляли собой четко организованное и структурированное в соответствии с законодательством мероприятие, призванное обеспечить условия товарообмена. Однако другой стороной ярмарки была ее стихийность, часто неподконтрольная органам власти. Ярмарка жила собственной жизнью в соответствии с традиционными представлениями народа и заключала в себе механизм удовлетворения всех основных его потребностей. Тем самым ярмарка являлась моделью, «микромиром» российской действительности, включавшим экономический, социальный, культурный и религиозный элементы, и вплоть до конца XIX в. оставалась универсальным средством для целостного и многостороннего развития не только отдельных регионов, таких как Европейский Север России, но и всей страны.

Литература и источники

1. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 252. Л. 3–4, 10–11.
2. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 1584.
3. Вологодские губернские ведомости. 1887 г. № 21.
4. Шадрин. Летние и зимние гулянья Шенкурского народа и околородных крестьян. Этнографический очерк // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 г. Кн. 2-я. Архангельск, 1866. С. 64.
5. Там же. С. 66–67.
6. Вологодские губернские ведомости. 1839. 4 ноября. № 45. С. 358.
7. Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. Архангельск, 1864. С. 118–119.
8. Зырянин И.С. Тотма: Путевые замечания в трех письмах // Лучи. 1853. № 3, 5, 7. С. 166.
9. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 494–495.
10. Дань старине // Вологодский справочный листок. 1914. № 655. С. 3.
11. Архангельские губернские ведомости. 1853. 21 февр. № 8. С. 65.
12. Описание пути от Петербурга через Вологду в Архангельск и обратно, чрез Петрозаводск. СПб., 1858. С. 35–36.
13. Вологодские губернские ведомости. 1839. 22 апреля. № 17. С. 132–133.
14. Вологодские губернские ведомости. 1839. 15 апреля. № 16. С. 127.
15. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (18 – н. 20 в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 329; Фадеев А.В. Идеиные связи и культурная жизнь народов дореформенной России. М., 1966. С. 22–23.
16. Дань старине. С. 3.
17. ГААО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 1620. Л. 5.
18. Там же. Л. 1.
19. Дань старине. С. 3.
20. Архангельские губернские ведомости. 1876. 28 января (9 февраля). № 8. С. 3.
21. Чубинский П.П. Обзорение главнейших ярмарок Архангельской губернии // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 год. Кн. 2-я. Архангельск, 1866. С. 245.

22. Вологодские губернские ведомости. 1887 г. № 21; Шадрин. Указ. соч. С. 66–67.
23. Максимов С.В. Указ. соч. С. 493.
24. Чубинский П.П. Указ. соч. С. 245; Эс. Ярмарка // Указ. соч. С. 3.
25. Вологодская Губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1850. Т. 2. Ч. 3. С. 253.
26. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (18 – н. 20 в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 457.
27. Свод губернских учреждений. Ст. 2750, 2768, 2769 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1857; Свод губернских учреждений. Ст. 1756, 1471, 1483 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1876; Свод губернских учреждений. Ст. 1756, 1471, 1483 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1892.
28. Свод губернских учреждений. Ст. 4981 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1857.
29. Свод губернских учреждений. Ст. 4982, 5117, 5120, 5193, 5215, 5236 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1857.
30. Свод губернских учреждений. Ст. 504, 505, 549 // Свод законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1893.
31. Свод губернских учреждений. Ст. 521 // Свод законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1893.
32. Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. Архангельск, 1864. С. 134; Шадрин Указ. соч. С. 66–67; Эс. Ярмарка // Вологодский справочный листок. 1910. № 31. С. 3.
33. Свод губернских учреждений. Ст. 535, 536 // Свод законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1893.
34. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 9 об.
35. Свод губернских учреждений. Ст. 2750, 2768, 2769 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1857; Свод губернских учреждений. Ст. 1756, 1471, 1483 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1876; Свод губернских учреждений. Ст. 1756, 1471, 1483 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1892.
36. Свод губернских учреждений. Ст. 4982, 5117, 5120, 5193, 5215, 5236. // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1857.
37. Свод губернских учреждений. Ст. 549 // Свод законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1893.
38. Шадрин. Указ. соч. С. 66–67.
39. Вологодская Губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 2. Ч. 3. СПб., 1850. С. 253; Дань старине // Указ. соч. С. 3.
40. Зырянин И.С. Указ. соч. С. 166.
41. Максимов С.В. Указ. соч. С. 542.
42. Там же. С. 495.
43. Левинсон А.Г. Социальная роль и художественной строение народных гуляний в столичных городах России XIX в. // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Традиционные формы досуга: история и современность. М., 1993. С. 53–54.